

ПРЕФИКСАЛЬНЫЙ ПОВТОР КАК ПОТЕНЦИАЛ АКСИОСФЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Б.И. ФОМИНЫХ

BIFominyh@pushkin.institute

канд. филол. наук,
профессор кафедры общего
и русского языкознания
Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

М.Б. ЯСИНСКАЯ

inyazling@mail.ru

канд. филол. наук,
профессор
кафедры иностранных
языков и лингвистики
Московского гуманитарного
университета
Москва, Россия

Ключевые слова:

*приставки, их типы
и семантический
потенциал, аксиосфера
художественного текста,
контекстуальная
и приставочная
сочетаемость
с мотивирующим глаголом,
авторское оценочное
отношение
к высказыванию*

DOI: 10.37632/PI.2020.281.4.009

В статье на основе аксиологического подхода предложено рассмотрение частотного функционирования приставочных глаголов в прозаическом и поэтическом текстах. Основное внимание обращено на повторяемость приставки при разно- и однокорневых глаголах, их семантическую сочетаемость, соотносительность, что позволяет «наполнять» монотексты пропозиционным смыслом, выражать авторское отношение.

Среди необъятного мира текстов лингвистическим феноменом является художественный текст, фундаментальное свойство которого – коммуникативно-эстетическое. Художественный текст – такая аксиосфера, которая определяет «...выбор и закрепление смыслов в содержании языковых единиц и коммуникативных моделей поведения...» [9: 4].

Его реализация достигается присутствием языковой личности автора, что проявляется на разных уровнях темы, сюжета, языка. Авторское мироощущение определяет эмоционально-эстетическую динамику художественного текста, выражаемую лексико-грамматическими средствами языка, среди которых не последнее место занимает словообразовательный потенциал текста.

Отражая и выражая действительность, автор использует различные словообразовательные средства для воздействия на читателя, вызывая у него реакции информационно-оценочного свойства.

К таким средствам, которые актуализируются контекстом, можно отнести высокую частотность приставок при глаголах: «...приставка всегда используется как словообразовательное средство, вносящее в семему производного глагола некоторую новую сему, лексически отличающую его от глагола производящего» [10: 120].

Глагол несет большую семантическую нагрузку в речи и выполняет не только номинативную, но и оценочную, актуализирующую функцию. По словам В. фон Гумбольдта, «глагол – это нерв самого языка... является душой всего речеобразования» [4: 267].

Приставочные глаголы в цепи слов предложения часто являются основным звеном, которое, взаимодействуя с другими словами, выступает в качестве пропозиционного маркера монотекста. Такие приставочно-глагольные словообразовательные модели в художественном тексте предопределены авторским контекстом, создающим «...ценностно насыщенные фрагменты реальности, зафиксированные в определенных речевых жанрах» [9: 4].

Например, отметим высокую приставочную частотность в тексте из романа В. Личутина «Душа неизъяснимая»: «И я, грешный, *пожил* в столицах, *пообтерся*, не один пиджачишко *поистратил* на локтях в говорильнях, язык стер тем словесным наждаком, но *попритух* взглядом, *заморщил* и ничего взамен не *приобрел*, не *восполнил*, а только *попритупил* в себе притягивость земли-матери, даже *поисправился* в чем-то, *поизлукавился* в чем-то, *пораструсил* природные навыки, родовую сметку и ловкость, которые так *пригождаются*, чтобы выжить...».

В данном предложении одно- и разноприставочные глаголы взаимодействуют друг с другом, что определяется интенцией автора, когда одновременно выполняется не только номинативная, но и их субъективно-выразительная функция.

Подобную же функцию выполняют и одноприставочные однокоренные глаголы, в афористической пафосной фразе градоначальника Москвы 1812 г.: «Примемся за дело, сделаем, доделаем и злодеев *отделаем*» (Л.Н. Толстой).

Обратимся к приставочным глаголам, словообразовательный потенциал которых осуществляется в процессе перфективации: приставки не только детерминируют индивидуальные значения мотивирующих глаголов, но в пределах данного контекста способны создавать экспрессивное поле смысла высказывания, а «между эмоциями и оценочными мнениями существует логическая связь... эмоции логически зависят от оценок, причем именно оценки вводят в эмоции когнитивный аспект» [3: 227].

Интересно, что в XVII в. Р. Декарт впервые предложил четкую типологию эмоций, среди

них первое место занимали изумление, удивление, которые, по его мнению, стимулируют «...ход познания» [6: 481]. Чтобы начать «ход познания» микротекста, необходимы языковые средства, которые и могут заключать удивление – к одним из них можно отнести повтор приставочных глаголов.

Все приставки некоторые исследователи делят на «более прозрачные, т.е. обладающие значениями, легче поддающимися формулировкам на естественном языке и поэтому легче осознаваемыми, это *до-* («финальный этап дистанции»), *от-* («потеря связи») и *раз-* («множественность»). Непрозрачными являются все остальные, например, *за-*, *из-*, *на-*, *при-* и *с-* [7: 33].

Вначале обратимся к возможному сосуществованию приставок обоих видов, а затем подробно рассмотрим семантический потенциал повторяющейся одной приставки.

Так, в тексте В. Распутина создана художественная картина начинающегося дня: «Невеселое небо, ватное, взъерошенное с утра, к обеду *вычистило*, *залило* светленькой синью, и солнце, умывшись в ней, *разогрелось*, *пополнило*, *закустилось* лучами, *засияло* на всю катушку». Приставки: *вы-* – вносит значение сделать чистым; *за-* – соответственно – заполнить чем-то, сделаться сияющим, степень заполнения пространства – вносят в высказывание новые семы, создающие определенную выразительность.

Приставки могут создавать не только последовательность действий, но и другие оценки значений действия, в числе их и оценку его: «Работа» – существительное, самое существенное из всех существительных. Можно даже сказать, что это человечнейшее из всех человеческих слов: «Мы работаем, мы что-то *перерабатываем*, *обрабатываем* или *разрабатываем*, наконец, *вырабатываем*. Мы *переработались*, мы *отработались*. Мы с кем-то *сработались*, иногда мы *вработываемся* во что-нибудь, мы должны что-то *доработать*, часто и *отработать*. Мы *прорабатываем* что-нибудь, и иногда нас *прорабатывают*» (Ю. Бондарев).

Здесь представлено словообразовательное гнездо глагола «работать», семантический потенциал которого вместил в действие дополнительные семы, обогащающие восприятие такого текста значениями: *пере-* – дополнительная обработка, *об-* – привести в состояние готовности, *раз-* – подготовить что-то, *вы-* – прийти к заключению, *пере-* – проработать дольше положенного времени; *от-* – закончить что-то; *с-* – достигнуть полного согласия; *в-* – освоить что-нибудь; *до-* – доделать что-то; *от-* – закончить что-то; *про-* – что-либо изучить; *про-* – подвергнуться недоброжелательной критике.

Ситуация последовательности действий достигнута А.С. Пушкиным приставками со значением завершенности состояния героини: «Ты чуть *вошел*, я вмиг узнала, вся *обомлела*, *запылала*...».

Оценка деятельности персонажа А.П. Чехова достигается антонимией приставок: «Я свои дела не умею *завязывать* и *развязывать*, как не умею *завязывать* галстук».

Актуализация итога военных действий представлена Л.Н. Толстым приставочными глаголами: «Тысячи людских самолюбий успели *оскорбиться*, тысячи смогли удовлетвориться, *надуться*, тысячи *успокоиться* в объятиях смерти». Примыкающие к модальному глаголу инфинитивы содержат сжатую характеристику войны в данном контексте.

Ф.Н. Плевако при помощи последовательного перечисления приставочных глаголов дает субъективную оценку возможному преступлению: «Можно насильно *застрелить*, *удушить* или *утопить*, но насильно *отравить*, не вызывая у жертвы крика протеста, попыток борьбы – *нельзя*». Все приставки – *за-*, *у-*, *от-* взаимодействия вносят в глаголы модальные значения – принудить сделать что-то.

Отчетливо выраженное субъективное отношение достигается в тексте О. Берггольц, которая использует приставочную отрицательную глагольную лексику: «Это будет читать следователь» преследует меня. Тайна записанного сердца нарушена. Даже в эту область, в мысли, в душу *ворвались*, *нагадили*, *взломали*, *подобрали* отмычки».

В предложении: «Все чудесное, божественное для Борхеса – дерзкая и величественная попытка человека – *представить*, *вообразить*, *вымыслить* или даже «выяснить» другое, чуждое нам сознание и вступить с ним в диалог» (А. Генис), содержится авторская оценка размышлений героя – *вообразить*, *вымыслить* – *вступить*.

Семантически значимым выступают нагруженные экспрессией приставочные глаголы в тексте романа А. Варламова «Булгаков»: «К.С. Станиславский не мог не видеть и не признать очевидной вещи: молодые актеры играли великолепно, и за эту игру, за то, что Булгаков ее *вызвал*, *пробудил*, *спровоцировал*, *вдохновил*, ему можно было простить что угодно». Глаголы выстроены в синонимический ряд, в котором приставки добавляют семную окраску: *вызвал* – возбудить, явиться причиной чего-то; *пробудил* – вызвать желание; *спровоцировал* –мышленно вызвать; *вдохновил* – побудить к поступкам – и все объединяется модальной оценкой побуждения.

Довольно часто приставочные глаголы образуют синонимические ряды в публицистических текстах, например в «Литературной газете»:

«Развитием заниматься должны азартные, рукастые и головастые люди с жилкой Петра I, для которых нет большей радости, чем что-то *построить*, *соорудить*, *запустить*, *обставить* конкурентов»;

«Средний класс социально инертен, его задача – *приспособиться*, *встроиться*, *выжить*»;

«Авторы убедительно доказали, что историю России нельзя *разорвать*, *замолчать*, *извратить*».

Значительна функционально-эстетическая нагрузка приставочных глаголов, их взаимодействие в речи поэтической: «Ох, родимой сторонунки нравы, // Мне ли их, неизменных, не знать? // Умереть – умирай, но без права // *Заболеть*, *обессилеть*, *устать*» (О. Фокина); «Дождь июньский, зеленый, мирный // *Отшумел*, *погрозил*, *проплакал*» (А. Рыбкин); «Незаметно сроки *пролетели*, // *Отошла* природа ото сна, // *Отшумели* зимние метели, // *Наступила* наконец весна» (Н. Зиновьев). В контексте этих моностроф проявлена роль приставок, создающих с глаголом оценочное значение последовательности действия.

Обратимся к другой авторской интенции: употребление *одной* приставки при *разнокорневых глаголах*. И в этом случае «морфема выступает во взаимодействии с контекстом, подчиняясь законам синтаксически обусловленной номинации» [8: 165].

Языковые приставочные средства целесообразны для воплощения авторского замысла, в котором проявляется его оценочное отношение к высказыванию [11: 16]. Дублирование одной приставки при разных глаголах создает однородный синтаксический узел, в котором и появляется синонимия с ее глубинными оттенками в зависимости от мотивирующего глагола и контекста. И, безусловно, такой повтор влияет на экспрессивность данного текста.

Отметим высокую частотность таких текстов не только в художественной литературе (особенно в поэзии), но и в других стилях речи, в которых представлены глаголы почти со всеми русскими приставками, вносящие в инвариантное значение мотивирующего слова временные, количественные и пространственные значения с их дополнительными, добавочными оттенками.

У некоторых писателей можно найти классические примеры такого креативного словообразования одноприставочных глаголов: М. Цветаева использовала приставку *раз-* для выражения одиночества: «Рас-стояние: версты, мили... // Нас рас-ставили, рас-садили, // Чтобы тихо себя вели // По двум разным концам Земли. Рас-стояние: версты, дали... // Нас расклеили, распаяли, // В две руки развели, распаяв, // И не

знали, что это сплав...». К. Бальмонт оставил значимые контексты с приставкой *без-/с-*: «Мне хочется безгласной тишины, // Безмолвия, безветрия, бесстрастья. // Я знаю, быстрым сном проходит счастье, // Но пусть живут безрадостные сны».

Всем известно начало повести А.С. Пушкина «Метель»: Гаврила Гаврилович Р. «...славился во всей округе гостеприимством и радушием, соседи поминутно ездили к нему *поесть, попить, поиграть* по пяти копеек в бостон с его женою, а некоторые для того, чтобы *поглядеть* на дочку их, Марью Гавриловну...». Если первые три глагола получают за счет приставки смягчительно-ограничительное значение, то *поглядеть* имеет коннотацию восхищения или далеко идущих целей.

Среди девятнадцати русских приставок частотными являются *за-, раз-/с-, без-/с-, о-, вы-, об-, при-, пере-* и др.

Рассмотрим функционирование приставки *за-*, восполняющей действие, названное мотивирующим глаголом. Эта приставка может вносить в зависимости от контекста в значение мотивирующего глагола такие семы, как ‘поместить куда-то’, ‘мимоходом совершить действие’, ‘дovести до нежелательного состояния’, ‘захватить что-то’, ‘начать действие, закончить его’, ‘что-то совершить заблаговременно’, ‘получить что-то, совершить одно действие после другого’.

Начало рассказа А.П. Чехова «Петров день» вводит нас в ситуацию «давно снившегося дня»: «Наступил день, в который *забываются* долги, тещи и даже молодые жены... Побледнели и *затуманились* звезды. Проснулись щуры, *закопились, залетали*... в терновнике *запела* иволга... Над людской кухней *засуетились* скворцы и удода. Все живущее вокруг Егора Егорыча *заходило, забегало и застучало* по всем лестницам, сараям и конюшням...». Глагол *забываются* при сочетании с «долги» имеет прямое значение – «перестать помнить», но при сочетании с «теща» и «жены» приобретает иронический оттенок; остальные глаголы имеют общее значение – начало действия, «нагруженного» различными качественными семами.

Начало действия находим и в предложении: «*Затряхали* на опушках дрозды, *засвистели* на вечерних зорях скворцы, дурманом *зацвела* черемуха по оврагам» (Ю. Казаков). Образная картина наступающего лета передается в звуковом и обоняемом ощущении.

Последовательность состояния леса встречаем в предложении М. Пришвина: «Бор *зашумел, зашатался, затрепал*, деревья до самой земли стали пригибаться, костер вмиг угас». Следствие состояния первых глаголов обуславливает семантику – *пригибаться, угас*.

Явно отрицательный смысл содержится в приставочных глаголах предложения: «Столегие А. Платонова страна, выросшая над его «Котлованом», *заспала, заболтала, забегала*» (В. Бушин) – оценочные глаголы вносят убедительную отрицательную окраску.

Драматург Л. Зорин хочет сохранить память о прошлом: «То время минуло, и навсегда ушли из истории последние гуманисты. Так значит необходима неутоленная жажда *запечатлеть, закрепить, записать* все то, что видел и слышал» – приставка вносит значение обязательности модальности завершения.

Эмоционально-экспрессивная роль глаголов органична, искренна в письме Н.Д. Фонвизиной И.И. Пуцину: «Не хочу я твоей теплой дружбы, дай мне горячей любви, и Таня не останется в долгу у тебя: она *заискрится, засверкает* перед тобой и *засветится* ярким огнем» – все приставочные глаголы метафоричны, что и придает тексту письма, обращенному к любимому человеку, насыщенность высоким чувством.

Завершение событий выполняет глагольный контекст текста А. Проханова: «Подобно спавшимся от татарской конницы именно в церковь стекалось русское общество, *запиралось* в храмах, *замыкалось* в монастырях».

В предложении литературного критика Л. Аннинского: «Ю. Казаков как-то выпал из ситуации, когда *закрутилась, загомонила, запричитала, заорала* литературная эпоха, у которой ушла из-под ног стабильная почва «соцреализма» – приставочные глаголы, выполняя информативную функцию, указывая на начало действия, содержат отрицательную разговорную сему, придающую высказыванию категоричность оценки.

Приставка может соотноситься с суффиксом, и такие префиксально-суффиксальные глаголы вносят в содержание предложения не только указания на начало действия, но и на его смягченную многократность с народным колоритом: «Каждое колено Ноево вдруг решило брести в пурге своей дорогою, и вот *заблудились, и запричитывали*, взывая о помощи, и *завспомнили* прошлое» (В. Личутин).

Наличие диалектного приставочного глагола указывает на его выделительность, значимость: «Абрамов *запечатлел* всеобщую и личную память, сладкое и горестное не отшатнулось с годами, не *заросло* забыть-травой, не *задержилось*, стоит лишь открыть романы пинежского черноволосого мужичка» (В. Личутин).

Интересен пример И.А. Гончарова из романа «Обрыв»: «Комната Софьи смотрелась несколько веселее прочих. Еще бы немного света и шуму, тогда бы это был веселый приют, где можно было *замечтаться, зачитаться*,

заиграться и, пожалуй, *залюбиться*» – в котором представлен словообразовательный повтор глаголов в собственно-возвратном значении, один из них семантически значимый окказионализм: *залюбиться*.

Окказионализм «заспешат» встречаем в тексте В. Маканина: «А затем его слишком *заторопят, заспешат, затолкают, задергают, заговорят* глупостями» – глаголы наряду с начинательным значением указывают и на доведение действия до отрицательного результата.

Выразительны тексты, если в них есть примеры живого семантического слияния приставки и мотивирующего слова. Образцом такого идиостилия может быть текст В. Личутина, который естественно вкрапливает экспрессивно значимую лексику и ее сочетаемость с северным говором: «Как же скоро *настроилась* плачя, *запевала на усталом полувыдохе*, какую верную струну тронула, так что сразу *потекла* наша душа. Гляжу, *бабы-товарки занюнились*, не скрывая слез, да и у нас веки *запощипывало*,

и мы все легко так *желанно заплакали*. Будто морока нас *окутала*, печальное облако *наплыло* и *скрыло* полдневное солнце. Слово и искренний Голос должны были соединиться таким образом, чтобы наше *зачерствелое* сердце готовно *отозвалось*. Тут есть какая-то неисповедимая, нераскрываемая тайна».

В этом сложном синтаксическом целом присутствует авторское отношение к причетам, которые удивили, поразили его духовной чистотой, и поэтому свое ощущение услышанного передано с художественным тактом, словесным богатством и естественной отзывчивостью к чужому горю.

Интересно, что семная эмотивная приставочная нагрузка на глагол исторически сохраняется: сопоставим семантику глагола *заговаривать* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля и в «Словаре русского языка» (Малый академический словарь, МАС) (табл. 1).

Таблица 1

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля	«Словарь русского языка» (Малый академический словарь, МАС)
<p>ЗАГОВАРИВАТЬ, заговорить, начать говорить, стать сказывать, заводить речь, разговор. Коли богатый заговорит, так есть кому послушать. Я б не так с ним заговорил, обошелся бы покруче, строже. Утомлять разговором, переговорить других, не дать другим сказать слова. Он всех заговорил до смерти. Завораживать, заколдовывать; таинственными словами, дыханием, движением рук останавливать какое действие, лишать силы. Заговорить змею. Заговорить кровь. Заговаривать уроки, порчу. Заговариваться, говорить лишнее, забываться, завираться. Забываться в беседе, по дряхлости или слабоумию, говорить несвязно. с кем, забываться в приятной беседе, разговаривать долее, чем бы следовало. Говори, да не заговаривайся, ври, да не завирайся. Быть заговариваему, завораживаему; заговорить себя. Он заговорился от ружья. От серебряной пули не заговоришься, поверье. Заговариванье ср. длит. заговорка ж. об. действ. по глаг. во всяком смысле; заговоренье ср. окончат. заговор м. об. действ. по глаг. в смысле завораживанья, колдовства; нашепты. Заговоры от болезней или скорбей: урочные, грыжные, своробные, зубные напр. от укуса, от ружья и пр. Заговор, тайное согласие многих действовать против власти; крамола, приготовление к мятежу. Заговоренный, подчиненный заговору, заколдованный, замороженный. Заговорный, относящийся к заговору, в знач. крамолы и колдовства. Заговорные города, встарь, вольные союзные, ганзеатические. Заговорчивый охотно с кем заговаривающий, беседливый. Заговорщик м. заговорщица ж. участник скопа, заговора, крамольник, заговаривающий что-либо, колдун, шептун, ворожея, знахарь. Заговорщиков, заговорщицын, ему, ей принадлежащий. Заговорщичий, им свойственный [5: 569].</p>	<p>ЗАГОВАРИВАТЬ 1) пытаться заводить разговор; вступать в разговор с кем-л. Он не мог молчать, как все: характер у него был живой, веселый, говорливый. Он шутил или заговаривал с дедом о хозяйстве, о земле, об извозе. Gladkov, Повесть о детстве. 2) посторонними разговорами намеренно отвлекать от того, что важно или нужно собеседнику, вводить в заблуждение. Зубы заговаривать.</p> <p>ЗАГОВАРИВАТЬСЯ 1) разг. Говорить бессвязно, невпопад; путаться, сбиваться в речи. Она впала в задумчивость, стала заговариваться. 2) сов. к несов. к <i>заговориться</i> 1. увлечься разговором, проговорить долго. – Заговорились мы с вами! Домой же пора! 2. наговорить лишнего, завратиться. Несколько заговорился, так что приврал [12: 698].</p>

Сопоставление показывает, что контекстные значения данного глагола совпадают. Исключение составляет значение у В. Даля – *заговаривать себя*, а также присутствие в его колонке словообразовательного гнезда от существительного «заговор» – *заговариванье* – этот ряд слов (заговорчивый) и их значений (заговорные города), в современном русском языке не употребляются, что объясняется типом словаря, в котором отражена лексика современного литературного языка, в то время как в словаре В. Даля объемный лексический фонд, будучи отражением народных говоров, в большинстве случаев вместе с номинацией сохраняет значительную долю диалектности.

Таким образом, языковые формы отражают русское аксиологическое сознание, сохраняя соотношение традиционных и современных значений данных глагольных словоформ.

Прозаическая и стихотворная речь как виды словесного искусства имеют общие черты, которые обусловлены эстетической функцией языка. Но стихотворная речь представляет собой наиболее компактную остранинную форму, о назначении которой исчерпывающе сказал М.М. Бахтин: «Только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, ибо требования к нему здесь максимальные: все его стороны здесь напряжены до крайности, доходят до своих последних пределов; поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» [1: 306].

Лексико-грамматические средства взаимодействуют в стихе с фонетическими, маркирующими ритмико-мелодическими, а также звуко-смысловыми повторами глагольных приставок, создавая живую игру эмоционально-образных оттенков монотекста. Поэзия содержит «магические, ключевые слова», доводя читателя до основы понимания выражаемых им чувств и мыслей.

Например, «*Наступила осень. // Пожелтели листья. // Улетели птицы. // Почернели травы. // Потемнело небо. // Набежали тучи. // Опустела пашня. // Замерли деревья. // Занялась рябина. // Запылали ветки. // Заиграли кроны*» (Л. Яшин). Разные повторяющиеся приставки, создающие последовательность природных явлений, – яркий экспрессивный прием иллюстрации к авторскому мировосприятию осени.

Такое употребление одинаковых приставок при глаголах типично для воспроизведения смыслового узора русской лирики: «*Засверкала осень, запылала // Кистями калин и рябин... // Заблестели дивно, засверкали // Нити-паутинки за окном. // Листопады, всюду листопады // Зазвучали пушкинской строкой... // Задышала стужа, задышала...*» (И. Рыбкин).

Все семь глаголов благодаря аффиксу *за-* объединены макротемой «начало действия», но каждый из них вызывает у читателя и художественное домысливание, помогает понять, что «значение ориентации слова на собеседника – чрезвычайно велико» [2: 87]: читатель включается не только в последовательность эстетического восприятия, но и в домысливание цвета, света и ощущения свежести воздуха.

Иное восприятие осени у С.А. Есенина: «*Дрогнули листочки, закачались клены, // С золотистых веток полетела пыль, // Зашумели ветры, ахнул лес зеленый, // Зашептался с эхом высохший ковыль*» – в цепи глаголов основное звено *зашумели ветры*, которое обуславливает действия остальных глаголов с приставкой *за-*: *закачались, зашептался*.

Состояние предчувствия весны находим в стихах Д. Мизгулина: «*Голый куст под моим окном – // Голый куст молодой сирени... // Он, застенчивый и влюбленный, // Застыдится и наготу // Вмиг прикроет листвою зеленой. // Зацветет, забурлит, закипит...*»; образность начинается с глагола «застыдится», в котором превалирует значение «смутиться», следствием чего является начало цветения сирени, которое охвачено волнением, переполнено оценочным чувством: *зацветет, забурлит, закипит*.

А.Н. Тряпкин передает состояние летнего дня: «*Заманит глушь в неведомый овраг, // Задышит полдень солнцем и брусничкой... // И заморгает в чаше зелен хмель, // Засветится глазенками хмеленок*» – авторская оценка дана не только в глаголах, но также и в именных словоформах: «*глазенками*», «*хмеленок*».

Классическим примером роли приставки для выражения экспрессивной последовательности действия являются слова Н.А. Некрасова: «*Лес зазвенел, застонал, затрепещал, // Заяц послушал и убежал...*».

В строфе О. Седаковой из стиха «Кузнечик и сверчок» столкновение начала и конца действия «замолчит» – «заиграет» создает яркий зимний образ: «*Поэзия земли не умирает. // И здесь, на Севере, когда повалит снег, // Кузнечик замолчит. А вьюга заиграет – // И забренчит сверчок...*».

Вербальная презентация эстетических смыслов при помощи приставки *за-* представлена в поэтической речи довольно частотно.

Вот известные «Колодники» А.К. Толстого: «*Что, братцы, Затянем песню, Забудем лихую беду?... // И вот повели, затаяли, // Поют, заливаясь, они // Про Волги широкой раздолье, // Про даром минувшие дни*». Контекст стихотворения позволяет дополнить семантику приставочных глаголов «затянем», «забудем»,

«затянули», «заливаясь» пониманием перспективы того, почему, о чем и как поют.

У Ю. Кузнецова: «*Заценили* тебя, *захватили*, // руки лстыивых гостей *залоснили* // ручку двери твоей...». Создан отчетливый отрицательный образ неопределенно-личных субъектов.

Звукосмысловые внутритекстовые связи позволяют понять и оценить состояние героя Л. Бородина: «И кто-то третий в нашем звоне // Вдруг *задохнется* от тоски! // *Замрет, замечется, застонет*, // *Сожмет* ладонями виски».

Подобную же функцию выполняет приставка *за-* в строфе А. Кушнера: «Куда-то подевав любимый телефон, // Я номер наберу – и отзовется он. // Из ящика стола, из куртки, с книжной полки // Очнется, *запоет*, *затеряя*, унесен, // *Засунут* и *забыт* – и поиски недолги».

Звукоизобразительные средства поддерживают эмоционально-образное содержание строфы и четко проявленное оценочное отношение автора к состоянию героини: «И я боюсь, что вдруг она *заплачет*, // что губы ее страшно *закричат*, // что руки в рукава она *запрячет* // и бусинки по полу *застучат*» (Б. Ахмадулина).

При такой цепной синтаксической изобразительности связь глаголов передана как однонаправленное присоединение: *боюсь – заплачет – закричит – застучат*, в ряду которых основным (причинным!) является «боюсь», вызывающее следствие – слез, крика, шума бусинок. Приставочные глаголы позволяют создать в этом тексте «...глубокие подводные смысловые течения речи» [2: 121], при которых и возникают имплицитные смыслы, связанные с чувством глубокого переживания.

В контексте строфы приставочные глаголы взаимодействуют, раскрывая ее образное содержание: «Землю вьюга побелила, // *закружила, занесла*, // то ли небо обвалила, то ли к небу приросла» (О. Николаева). Приставка *за-* соотносится с приставкой *по-* (побелила), в результате создается образ обрушившегося снега – «закружила, занесла», так как «вьюга побелила» (обильный снегопад), а причиной этому – обрушился снегопад, который остался постоянным – вьюга «к небу приросла» – допустимо также такое ступенчатое приставочное представление оттенков снегопада.

Рассмотрев эмоционально-семантическую роль «непрозрачной» приставки *за-*, обратимся к анализу соотнесенности «прозрачных» приставок с глаголами, их обусловленность контекстом высказывания.

«С переездом в город с ней произошла какая-то перемена: она не то чтобы *омрачилась*

или *опечалилась*, а пригасла» (Ю. Нагибин). Два глагола с приставкой *о-* имеют семантическую общность, на что указывает раздельный сочинительный союз «или», хотя они отличаются семемами «мрака» и «печали»; следующий же глагол «пригасла» вносит оценочное значение состояния субъекта.

Близка к ней приставка *от-* в тексте того же автора: «*Отыграла, отзвенела, отсверкала* дворянская Русь – другие времена, другие люди, другие песни» однозначно указывает на финальность событий, и каждый из глаголов содержит дополнительную социальную коннотацию.

Подобное же значение «неприятия чего-либо» найдем в двух глаголах, но сильная смысловая нагрузка падает на «отрешаться»: «Когда человек стареет, приближаясь к предельной черте, он должен от многого *отказываться, отречься* более или менее вынужденно» (Ю. Нагибин).

Заметную экспрессивную роль выполняет приставка *от-* в контексте М. Цветаевой: «Настанет день – печальный, говорят! // – *Отцарствуют, отплачут, отгорят*, // – *Остужены* чужими пятаками, – // Мои глаза, подвижные, как пламя». Первые три глагола отсылают к предшествующим жизненным ситуациям, а сильную позицию в строфе занимает причастная словоформа «остужены», заключающая оценочный финал.

Композиционно-интонационную нагрузку выполняют приставочные глаголы у М. Дудина: «И то, что не было и было // За долгий век, за трудный путь, // Что *отошло*, что ознобило, // *Отволновали* – позабуди».

Спасительная подсказка понимания – отчетливо-субъективное состояние автора – передано повторением приставки *от-* при разнокорневых глаголах у Ю. Кузнецова: «*Отсмеялась* душа, *отишумела*, // *Отлюбила* меня. Онемела. // А потом улетела из тела» и К. Ваншенкина: «Давно *отпили, отлюбили*, // *Отгоревали, отцвели* – // И стали горстью черной пыли...»

Конечно, не обойтись без приставки *от-* в стихах о природе, глагольные строчки которых наполнены экспрессией: «*Отцвели, откивали* ромашки... // *Отшептали* последние листья» (И. Рыбкин); «*Откуражился* гром, *отпроказил*, // в сытном воздухе – славный дурман» (Г. Горбовский).

Переживания автора чувствуются в строчках: «*Опадает* сирень, исчезает... // И вернулся на миг холода. // *Отцветает* сирень, *облетает* // В терпких волнах весенней тоски» (Романс).

Речетворческая функция глагольных приставок, особенно их повторяемость создает

в тексте экспрессивное напряжение: «...эмоции тесно связаны с ментальной деятельностью человека – они могут ее сопровождать, провоцировать, запускать, блокировать и оценивать» [13: 41]. И это можно проследить при рассмотрении приставок: *по-, под-, про-, при-, пере-*.

Г.Р. Державин оставил нам впечатляющую земную вещьность оптимистическими строками: «*Поесть, попить, повеселиться // Без вредных здравью приправ*», в которых совокупность дериватов содержит модальность возможного жизненного кредо.

У Б. Пастернака: «*Помешай мне, попробуй. Приди, // покусись потушить* этот приступ печали» – императивы просьбы смягчает категоричность семантики «погушить».

В строфе Л. Бородина инфинитивы имплицитно выражают необходимость, потребность такого состояния героя: «*От любимых и близких уйти, // Позабыть, потерять, потеряться // Одиночеств безликое братство // На распутии судеб обрести*».

Прозаические тексты с повтором приставки также сохраняют речевыразительность с разной мерой экспрессии.

Например, «маленьких детей любят за то, что они счастливые каждую минуту, и хочется их за это *потискать, погладить* по головке, *поцеловать, поблагодарить, потереться* об этот комочек счастья» (К. Сулягин) – целый блок глаголов, объединенный приставочной семой пожелания.

Также выразительно предложение из повести Л. Зорина «Габриэлла»: «Юные девы *помельтешили, попрыгали, поохотали, поплакали* – и благополучно исчезли».

Дипломат И.И. Майский в довоенное время оценил поведение английского лидера: «Действительно, Н. Чемберлен себя и Гитлера, видимо, представлял как двух купцов, которые *поспорят, пошутят, поторгуются* и затем ударят по рукам».

Приставка *по-* в фольклоре может выполнять градуальную функцию: «Живем – *покашливаем*, ходим – *похрамываем*» – небольшая интенсивность совершения действия за счет приставки.

С ярко выраженной иронией встречаемся в частушках: «*Полюбили – погуляли, // Погуляли – поженились, // Поженились – разругались, // Разругались – раскатились*» – ритмика синтаксического параллелизма и тема-ремагическое членение добавляют приставочным глаголам необходимую выразительность, воздействие на слушателя.

Приставка *под-* вносит в глагол сему умышленного добавления чего-то: «Слава Улановой органична, соприродна, она ничего не

подстраивает, специально не *подтягивает*, не *подпихивает* чем-то, с искусством не связанным» (Ю. Григорович).

Или отрицательное значение «делать что-то тайное»: «В последнее время Софья Андреевна сделала жизнь мужа в Ясной Поляне невыносимой: она *подслушивала* его, *подсматривала* за ним» (И. Кабыш).

А в пословице: «Не *подбивай* клин под овсяный блин: *поджарится* – сам свалится» – ее метафоричность создает прозрачный нравственный подтекст.

Приставка *пере-*, обладая «сильной валентностью», способна легко присоединиться к глаголу, дополняя семантику их действия.

Например, у Н.С. Лескова передан процесс творчества целым набором приставочных глаголов с общим значением повторяемости создания произведения: «Помните, что основное правило всякого писателя – *передылывать, перечеркивать, перематывать*, вставлять, сглаживать и снова *передылывать*» – ключевой глагол «передылывать» открывает синонимический глагольный ряд с дополнительными оттенками значения, свойственными литературной работе.

«У Казакова Русь сует, *переныривает, перебегает, переезжает*; человек думает: еду туда-то, зачем-то...» (Л. Аннинский) – процесс направления, движения с добавлением основного значения мотивирующего глагола.

У Д.С. Мережковского находим глагольную качественную оценку гениальности поэта: «Способность Пушкина *перевоплощаться, переноситься* во все века и народы свидетельствует о могуществе его культурного гения».

В рассказе А.П. Чехова «Черный монах» повтор приставки у разнокорневых глаголов создает отрицательную экспрессию описанной ситуации: «...Какой мерзавец и каналья осмелился привязать лошадь к яблоне? Боже мой! *Перепортили, перемерзли, пересквернили, перепакостили!* Погиб сад!» Конечно, появление таких одноприставочных глаголов предопределено эмоциональностью вопросительного предложения.

В стихотворной строфе использование глаголов с приставкой *пере-* весьма частотно. Например, в пародийном куплете дана исчерпывающая характеристика поэтов: «Хлебников *начудит, // Клюев наворчит, // Ходасевич всех переязвит. // Маяковский всех перекричит*» (Л. Видгоф).

О. Николаева как бы соглашается с Н.С. Лесковым, говорившем о процессе творчества: «Уйти в фольклор, в апокрифы и в сказки, // в экзотику и все *переиграть, // все перемерить* парики и маски, // все *перепробовать*,

потратить, перебрать». Кроме значения повторяющегося действия инфинитивы нагружают монострофу значением долженствования.

Используя приставку *пере-* у существительных, Б. Слуцкий в центр строфы ставит глагол, который и определяет содержание стиха в целом: «В *перестановку*, в *пересортицу* // во всякое перетакое, // куда удобней *перессориться*, чем в годы мира и покоя» – возникает взаимность действий.

Выразительны пословичные функции повторяющейся приставки: «Где нельзя *перескочить*, там можно *перелезть*»; «С горбатым не *переклонишься* – с богатым не *переменишься*»:

если в первой пословице значима семантика сопоставления, то во второй пословице глагольные окказионализмы создают еще и оценочную окрашенность.

Таким образом, предложенное рассмотрение неисчерпаемых возможностей сочетания приставки и мотивирующего глагола служит потенциалом аксиосферы художественного текста.

Концентрация, плотность повтора приставочной модели глагола способствует увеличению информационно-смыслового объема высказывания, его выделительной, образно-оценочной функции с разной степенью экспрессии в прозаическом и поэтическом текстах. ■

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1970.
2. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М., 1976.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2009.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978.
6. Декарт Р. Страсти души. М., 1989.
7. Добрушина Е.Р. К проблеме семантической целостности русских приставок // Вопросы языкознания. 2011. № 5.
8. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
9. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М., 2019.
10. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
11. Милованова М.С. «Дух противоречия» в русской языковой картине мира // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике: Материалы Международной научной конференции. Тяньцзинь, 2018.
12. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Институт русского языка; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
13. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М., 2010.

References

1. Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1970.
2. Vinogradov V.V. Poetika russkoj literatury. M., 1976.
3. Vol'f E.M. Funkcional'naya semantika ocenki. M., 2009.
4. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. M., 2000.
5. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka. V. 1. M., 1978.
6. Dekart R. Strasti dushi. M., 1989.
7. Dobrushina E.R. K probleme semanticheskoy celostnosti russkih pristavok // Voprosy yazykoznaniiya. 2011. № 5.
8. Zemskaya E.A. Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'. M., 1992.
9. Karasik V.I. Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy. M., 2019.
10. Krongauz M.A. Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika. M., 1998.
11. Milovanova M.S. «Duh protivorechiya» v russkoj yazykovoj kartine mira // Lingvokul'turnye cennosti v yazykovom soznanii i kommunikativnoj praktike: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Tyan'czin', 2018.
12. Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / AN SSSR, In-t rus. yaz.; Pod red. A.P. Evgen'evoy. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1981–1984.
13. Shahovskij V.I. Emocii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya. M., 2010.

B.I. Fominykh

Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

M.B. Yasinskaya

Moscow University for the Humanities
Moscow, Russia

PREFIXAL REPETITION AS THE POTENTIAL OF THE AXIOSPHERE OF A LITERARY TEXT

Prefixes, their types and semantic potential, axiosphere of a literary text, contextual and prefixed compatibility with the motivating verb, author's evaluative attitude to the statement.

The article proposes consideration of the functioning prefixes frequency in prose and poetic texts based on the axiological approach. The focus is captured on the prefix repetition on case of multi- and single-root verbs, their semantic compatibility, correlation, which allows «filling» the monotexts with propositional meaning, expressing the author's attitude.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

Российский университет дружбы народов (РУДН) совместно с Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Российским обществом преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина проводят IV Международный Конгресс преподавателей и руководителей подготовительных факультетов (отделений) вузов РФ «Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность».

В рамках Конгресса пройдут научно-практический семинар «Проектирование и реализация программ подготовки иностранных специалистов на постдипломном этапе: предмагистратура, предординатура, предаспирантура» (организаторы: РУДН, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого); форум преподавателей русского языка «Обучение русскому языку в многоязычном мире: российский и зарубежный опыт»; V Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан».

В ходе мероприятий будут обсуждаться ключевые вопросы деятельности подготовительных факультетов/отделений вузов РФ, теоретические и методологические основы современной лингводидактики и методики преподавания русского языка как иностранного, современные информационно-коммуникационные технологии в процессе преподавания русского языка как иностранного и общеобразовательных предметов на русском языке, вопросы, связанные с тестированием иностранных учащихся, и др.

Особое внимание будет уделено проблематике, связанной с обучением русскому языку в зарубежных образовательных организациях, современным моделям обучения русскому языку как иностранному в условиях отсутствия языковой среды, вопросам создания национально ориентированных учебников по русскому языку как иностранному для различных категорий учащихся и др.

Запланировано проведение круглых столов по актуальным темам реализации программ подготовки иностранных граждан к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке, мастер-классов и открытых уроков ведущих методистов РУДН, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, а также выставка учебно-методической литературы, курсы повышения квалификации.

По материалам сайта ru.mapryal.org